

Редакция «Менделеевца» предложила нам вести постоянную рубрику в газете «Театральная студия МХТИ».

«Вы очень мало о себе рассказываете», — услышали мы в редакции. Посоветовавшись, мы пришли к выводу, что мы действительно неправы. Неправы по той простой причине, что наша деятельность направлена к сердцам людей и, вероятно, этим людям было бы небезынтересно узнать о студии подробнее.

Я не думаю, что читатели газеты будут очень интересно изучать сообщения, подобные следующим: «Студия преодолевает большие трудности», «Поставлен (будет поставлен) спектакль такой-то» или «Приглашаем юношей и девушек в наши ряды» и т. д. Такие сообщения фиксируют лишь внешнюю сторону бытия студии, следовательно, всего-навсего информируют о том, что с какой-то абстрактной организацией что-то там происходит. Поэтому мне хотелось бы говорить о вещах, в которых так или иначе находит отражение дух студии, ее принципы, ее платформа.

Начиная разговор о театре, я хочу предупредить, что под словом «театр» я понимаю не какой-то конкретный театр или вообще омерзительный театр: я говорю о возможностях искусства театра.

Известен интерес, который проявляет современный человек к театру. Всего каких-то 20 лет назад казалось, что жизнь подлисла смертным приговором театру, что кино и телевидение

Менделеевск. — 1980 — 22 окт. ТЕАТРАЛЬНАЯ СТУДИЯ МХТИ „ТАМ, ТАМ ПОД СЕНИЮ КУЛИС...“

успешно и безболезненно для общества заменят устаревший театр. Еще и сейчас есть сторонники идеи обреченности театра, однако, их совсем немного, потому что стало очевидным, что театр — ценность непреходящая.

Кинематограф и телевидение затмили театр в таких его качествах, как зрелищность и массовость, но вслед за оглушенностью кинематографом и телевидением люди стали испытывать тоску по чему-то иному. На мой взгляд, это тревожное чувство можно назвать чувством тоски по уходящему театру. Я не преувеличиваю. Из жизни людей театр действительно уходит. Страстных театралов в процентном отношении к нашему населению совсем немного. Болезненно уязвленный потерей своих позиций, театр стремится наверстать упущенное, пытается соревноваться с кино в зрелищности и терпит поражение.

У меня есть устойчивое ощущение социального бедствия, связанного с тем, что современный человек перестает быть театральным человеком. Хочу подчеркнуть, что я никуда не умаляю многих достижений кино и телевидения, а говорю о другом.

Почему театр незаметен? Почему вызывает боль факт ухода театра из жизни? Что

заставляло В. Г. Белинского восклицать: «Идите в театр... и умрите в театре!»?

Искусство театра трагично по своей сути. Возникнув в сегодняшней вечер, оно сегодня же умирает. Оно сиюминутно: нет искусства более близкого сегодняшнему человеку и более надолговечного. Один и тот же спектакль сегодня и завтра — это два очень разных явления. Сегодня актер «в ударе», а завтра у него душно расположен духа; сегодня зритель добрый и чуткий, а завтра — недоверчивый и черствый. И каждый вечер перед актерами стоит безмолвный вопрос: возникнет ли сегодня произведение искусства или появится суррогат, очень похожий на искусство, но лишенный души, т. е. самого главного?

Ни у одного искусства нет такого контакта с современностью. Лишь написав книгу, писатель отдает ее на суд читателя, лишь вылепив скульптуру, скульптор имеет возможность показать ее зрителям и т. д. И только искусство театра возникает в результате прямого взаимодействия художника и зрителя.

Отнимите у театра зрительный зал — и театр исчезнет. Истинное рождение спектакля происходит не во время репетиций, а в момент публичного

творчества актера, когда возникает особое состояние единства души зрителей и актеров. Где, в каком еще месте человек столь остро может ощутить себя частью целого, ощутить себя родным для чужих людей? Где человек может прийти в восторг от того, что он — общественное существо? Почти нигде. Уже только в этом факте проявляется гражданственная основа театра.

Ни к рассказу, ни к картине, ни к кинофильму зритель не может ничего ни прибавить, ни отнять. Общение художника и зрителя здесь односторонне: художник дает, зритель получает. И лишь в театре происходит нечто качественно иное. Здесь и зритель, и художник взаимно идут друг за другом и одновременно взаимно ведут друг друга. Актер ощущает ни с чем не сравнимое блаженство, когда зрители смотрят спектакль, застав дыхание; зрители чувствуют, что актер заражается их сочувствием, это их еще больше увлекает; их увлечение передается актеру, возникают ослепительные краски в его игре. Здесь-то и заключается суть «театрального» восприятия мира. Театральное восприятие — это активное, твор-

ческое восприятие, это не только восприятие, но и воздействие на предмет восприятия.

Пока жив театр, остается живым общество. Если же вдруг театр безвозвратно перестанет быть общественно-нужным, то наступят тяжкие времена: это значит, что с людьми случилось что-то непоправимое, что люди не нужны друг другу, это значит, что люди — не часть единого рода, а обособившиеся эгоисты, это значит, что в обществе царят равнодушные к общественному благо.

Вот почему у меня есть убежденность в том, что я должен бороться за театр, который ощущаю в себе, за театр, который ощущаю в других, за театр, являющийся символом нерасторжимости связей каждого человека и общества.

Думаю, что не все читатели согласны с моим мнением, тем более, что оно выражено очень кратко. Мне было бы интересно познакомиться с иными взглядами на те же вещи; хотелось бы узнать также (если, естественно, разговор о театре занимает читателя) пожелания по поводу того, о чем нам в дальнейшем следует говорить.

Свои замечания, пожелания, предложения вы можете передать нам через редакцию «Менделеевца».

М. ЩЕПЕНКО,
руководитель студии.

Гл. редактор Ю. Г. ФРОЛОВ.
Отв. за выпуск номера И. И. НАУМОВА.